

ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ
И АРХЕОЛОГИИ
ЗАПАДНОГО
КАЗАХСТАНА

2

2008

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Викторин В.М. Казаки-нагайбаки и служилые ногайские татары в Оренбургском войске на границах казахских степей: XVIII- нач. XX вв., их потомки и родственные группы Поволжья (этномиграции, связанные по разным маршрутам).....	3
Кучеров В.С. История и пути развития земледелия	18
Кушкумбаев А.К. Военно-управленческий состав в улусе Джучи.....	27
Почекаев Р.Ю. Мамай летописный и Мамай исторический (попытка развенчания стереотипов)	53
Рябуха А.Г., Рябуха А.С. История изучения песчаного массива Рын-пески	78
Сүндетұлы Қ. Редактор М.Жалмұқатов	87
Тасмагамбетов А.С. Распространение старообрядчества и старого русского сектантства в юго-восточном Казахстане в XIX - начале XX вв.	94
Ускенбай К.З. Держава Урус-хана. Военно-политические аспекты усиления Ак-Орды в 1360—1370-е годы	103
Ягнинский А.М. Чокан Валиханов первый ученый казахского народа	145

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ахмеденов К.М. Геоэкологический анализ эколого-хозяйственного баланса территорий Западно-Казахстанской области (в пределах Волго-Уральского междуречья)	158
Гуцалов С.Ю., Ушаков А.М. Погребения кургана I могильника Шиликсай II.....	171
Жусупкалиев Т.Т. К вопросу об изучении каменного века в Западном Казахстане.....	178
Касенов М.С. Шеркала ежелгі қала	181
Кожа М.Б. Н.И.Веселовский о древних городах Южного Казахстана	184
Костюков В.П. Курган с остатками столбовой конструкции из могильника Солнце-Талика в Южном Зауралье	194
Марыксин Д.В., Сингатулин Р.А. Идентификация керамической посуды из могильника Мокринский I (предварительные исследования)	211
Орынбасаров Е.Е. Глиняные очаги в ритуальной практике кочевников Западного Казахстана	215
Пачкалов А.В. Находки античных и раннесредневековых монет на золотоордынских памятниках	219

Военно-управленческий состав в улусе Джучи

А.К.Кушкумбаев

В военно-политическом устройстве монгольских улусов-государств военное управление было строго централизованным, состоявшем из структурированной военной иерархии должностных лиц с их более или менее определенной компетенцией на каждом уровне сформированного военно-организационного механизма. Первостепенное место в военно-потестарной системе, как в период единства Монгольской империи, так и в четырех улусах образовавшихся после ее распада занимал хан (каан, ильхан). В круг выполняемых ханом общих задач, направленных на обеспечение безопасного существования возглавляемого им государства входила по данным специалистов: охрана целостности и укрепление державы (улуса, эля), забота о подвластном населении (народ)¹, боеспособность армии и проведение завоевательных войн (Трепавлов, 1993, С. 68). Т.И. Султанов выделяет, как минимум пять основных функций и прав ханской власти: 1) главной обязанностью хана была вооруженная охрана страны от посягательств внешних противников; 2) он являлся верховным руководителем вооруженных сил и соответственно имел право объявить войну или заключить мир; 3) хан определял внешнеполитический курс и обладал верховным правом вести переговоры с другими государствами; 4) исполнение функций верховного судьи, а тем самым, располагать правом убить или помиловать своего подчиненного; 5) поддерживать существующее социальное устройство и общественный порядок и право издавать законы, нормы которых были обязательны для всех подданных (Кляшторный, Султанов, 1992, С. 354; Кляшторный, Султанов, 2004, С. 198; Султанов, 2001, С. 72; Султанов, 2006, С. 74). В начальный период существования «*Еке Монгол Улуса*», по свидетельствам современников, власть монгольских каанов была, видимо, близка к абсолютной. Иоанн де Плано Карпини в пятой главе в разделе о власти главы империи монголов писал: «Император же этих Татар имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия» (Плано Карпини, 1957, С. 45). А б. Бенедикт, участник францисканской миссии, отметил в § 50 и § 52, что «кроме того, они также послушны своим господам более, чем другие народы, или даже больше, чем лица духовного звания своим прелатам. У них нет места для жалости по отношению к перебежчикам, поэтому у их императора над ними всевозможная власть. Ибо у них нет выбора перед смертью или

Кушкумбаев Айболат Кайрслямович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Политология и история» Кокшетауского университета. г. Кокшетау, Казахстан

¹ Об этой функции косвенно пишет И. Барборо (см. Барбаро, 1971, С. 150 и примечание 79).

жизнью, раз так сказал император <...> Все стойбища устанавливаются и перемещаются по повелению хана; поскольку он сам определяет места для вождей, которые [в свою очередь назначают места] для тысячников, а они - для сотников, а те - для десятников» (Ц. де Бридиа, 2002, С. 121, 122). Повеления монгольского хана не подлежали обсуждению и изменению, т.к. «не в обычае, чтобы кто-либо переиначивал решение и указ каана, а тот, кто бы это совершил, являлся бы преступником» (Рашид ад-Дин, 1960, Т. II, С. 12; см. также Киракос, 1976, С. 167). Нарушение воли верховного правителя и отход от установлений Ясы каралось законом. Высокий авторитет ханской власти, личная харизма² «Избранника Неба», вкупе с выработанной политической концепцией идеологии «чингизизма», идущая от основателя династии по инерции при первых преемниках и действовала безотказно на современников – подданных и иностранных послов. Кроме того, имперская политическая мифология, базирующаяся на феноменальных военно-стратегических успехах монголов, рисовала образ тотального могущества империи, усердно внедряемая среди населения, и не давала потенциальных возможностей для сомнений в исключительности «Золотого рода» у окружающих. Отсюда и гипертрофированное («изумительная») представление иноземных гостей – посланников и путешественников о характере власти монгольских властителей, прошедших, к тому же, через сложный монгольский придворный церемониал. Матфей Парижский в своей хронике пишет, что татарский народ «имеет повелителя, за которым следует, которому послушно повинуются и [которого] почитает и величает богом на земле» (Матфей Парижский, 1979, С. 143-144). Сказанное, конечно, не означает, что власть хагана монголов стала исключительно мегацентристской. При всем политическом универсализме Монгольской империи ее территория была поделена по бытующей среди кочевников традиции на крылья и огромные уделы первого, а затем второго поколения Чингизидов и рассматривалась как достояние всего «*Алтан уруга*». Можно сказать, что основной тенденцией политического развития кочевой империи было непрерывное дробление подвластных территорий и населения и переход от всеобщего моноцентризма к региональному полицентризму высшей властной структуры. В политической практике улусов встречается раздвоение политической власти внутри правящей династии – Бату-Орду, Токта-Ногай носящее иногда подобие политического дуумвирата или соправления, причины которого кроются как в традициях политического управления номадов, так и в конкретных исторических обстоятельствах, обуславливавших это явление. Реальная слабость верховной ханской власти могла очень часто быть детерминирована низким авторитетом и соответствующим невысоким (слабым) рейтингом популярности того или иного суверена, очень часто заканчивавшаяся его свержением. Иначе говоря, любой вакуум (политическое бездействие) внутри высшей политической власти, рано или поздно всегда мог быть заполнен со стороны многочисленных активных харизматичных претендентов царствующего дома или политически искушенных сановников, которых почти всегда было в избытке. Позитивные личные качества и приобретенные добродетели носителя «Высшей благодати» делали его как прославленным, уважаемым и любимым войском и народом с позитивным имиджем так же как в случае

² О харизме монгольских каанов имеются специальные исследования (см. Скрынникова, 1997; Крадин, Скрынникова, 2006, С. 295-320).

«плохой природы и испорченности нрава» и преобладания отрицательных свойств характера приводили к политическому краху, низложению с престола, изгнанию или позорной гибели венценосца.

Помимо указанных выше функций хан как верховный главнокомандующий выдвигал и назначал кадры на высшие командные должности в армии, непосредственно руководил или определял стратегию завоевания и подчинения окружающих государств и народов, мог распределять полученные материальные ценности, доходы, земли, покоренное население. Проявленный военный талант, индивидуальная воинская доблесть на поле боя и удачные военно-политические акции, направленные на покорение кочевых племен и оседло-земледельческих стран, дававшие баснословную добычу, а также высокие морально-нравственные качества личности по этическим критериям номадов неуклонно способствовали поднятию престижа в широких массах личной власти монарха. Прямые преемники первых монгольских ханов и правителей улусов доказывали свою политическую дееспособность, прежде всего, как военачальники – руководившие войском и походом. Сыновья Джучи – Бату и Орду, Толуиды – Мункэ, Хулагу и Хубилай становились настоящими властителями не только по установленной политической традиции наследования, как старшие сыновья в своих семьях, но и во многом как удачные полководцы – завоеватели чужеземных народов и государств. В этом плане характерно, что решение Бату, как «ака», т.е. старшего в роде Чингизидов второго поколения и имевшего права созыва курултая родственников о выдвижении старшего сына Толуя – Мункэ на каанский трон было промотивировано тем, что его избранник «неоднократно водил войска в [разные стороны] на войну и отличается от всех [других] умом и способностями». В семилетнем походе «[Менгу-каан] привел в покорность и подданство племена..., кипчаков, ... и черкесов; предводителя кипчаков Бачмана, предводителя племен асов и город... Менгу-каан захватил и, произведя казни и разграбление, привел в покорность» (Рашид ад-Дин, 1960, Т. II, С. 129). Поэтому политический вес главы монгольского государства определялся не только происхождением, но и его военными триумфами и громкими победами. В этой связи А.Г. Юрченко совершенно верно подметил, что монгольская (кочевая) «военная аристократия выбирала лидера, который запускал механизм экспансии» (Юрченко, 2006, С. 55). В традиционном ритуале интронизации хана в Золотой Орде военный аспект его власти выражался, по словам И. Шильтбергера в том, что претендента «сажают на престол и вручают ему золотой меч» (Шильтбергер, 1984, С. 44), что символизировало силу и военную мощь государя.

В ряде появившихся недавно публикаций поставлены серьезные сомнения в наличии полководческих дарований Бату, с указанием на отсутствие у него «реальных успехов в западном походе» и, тем самым, невысокого авторитета среди Чингизидов (см.: Почекаев, 2007, С. 144-145; Костюков, 2007, С. 172, примечание 7, С. 174, примечание 16). В то же время Р.Ю. Почекаев, отказывая Бату в полководческих способностях, отмечает его роль как главного организатора и похода 1236-1242 гг., разработчика стратегического плана, решавшего вопросы управления завоеванными землями. Чтение источников по ходу семилетнего похода Чингизидов, как отмечает В.П. Костюков, не дают определенного представления о субординации среди царевичей и «трудно понять, кто

же, в действительности, возглавлял поход». Хотя из личного письма Бату Угэдэю следует, что руководителем (главным?) этой кампании можно считать был сам Бату³ (Костюков, 2007, С.174-175). Армянский митрополит Стефан Орбелиани уверенно констатирует, что «во главе этой армии стоял Бату-хан» (Патканов, 1873, Вып. 1, С. 32). В истории русских княжеств, вторжение монголов запечатлено в летописях и народной памяти, по имени главы Улуса Джучи как «Батыево нашествие». И все же убедительных фактов в том, что Бату, не был главным предводителем западного похода, думается, в источниках не содержится⁴. Так, по словам Рашид ад-Дина «когда Угедей-каан воссел на царство, он повелел Бату» завоевать северные области «Ибир-Сибир, Булар, Дашт-и Кипчак,

3 «Винный инцидент» разыгравшийся среди разгоряченных алкоголем Чингизидов и содержание секретного донесения Бату каану, в части оскорблений со стороны Гуюка, Бури и Аргасуна, используемый в качестве дополнения, позволяющий говорить о неспособности его к командованию в военных действиях, следует признать как банальный личный конфликт первых лиц. Будущие политические противники уже тогда, обнаружили «психологическую несовместимость» между собой. Угэдэй, что примечательно, получив послание, поверил Бату безоговорочно и достаточно жестко распекал своего «свирепого» сына за проявленную дерзость в отношении старшего двоюродного брата, и, говоря при этом, обращаясь к Гуюку, следующие слова: «при покорении Русских и Кипчаков не только не взял ни одного Русского или Кипчака, но даже и козлиного копытца не добыл» и по совету своего окружения, возлагая решение по этому «полевому делу» на Бату, что подтверждает верховенство последнего и его полномочия как военного (главного) руководителя похода (Сокровенное сказание, §276, § 277, С. 141-142). Таким образом, суд над провинившимся Гуюком, мог провести только его непосредственный воинский начальник – Бату. Другой зачинщик разлада – Бури был отправлен «объясняться» к делу Чагатаю, но он не был отдан им, как пишет Р.Ю. Почекаев на «суд к Бату» (Почекаев, 2007, С. 92). Речь Угэдэя можно также понимать как принижение квалификации Гуюка – воина, хотя на самом деле, он, скорее всего, обладал необходимыми военными качествами.

4 В историографии по поводу руководства западным походом встречаются различные подходы. В.В. Бартольд в специальной энциклопедической статье, посвященной Бату считал, что он «был признан войсками на западе наследником Джучи, и этот выбор был впоследствии утвержден Чингиз-ханом или его преемником Угэдэем», а уже в западном семилетнем походе «все войско, естественно, было под верховным командованием Батя» (Бартольд, 1968в, Т.V, С. 496-497). Г.В. Вернадский называет Бату «формальным главнокомандующим западного фронта», находившегося во главе совета Чингизидов (Вернадский, 1999, С. 56-57). Т.И. Султанов поддержал мнение В.В. Бартольда и отметил, что Бату был назначен руководителем общемонгольского похода на курултае 1235 г., поэтому «верховное командование монгольской армией было поручено Бату» (Кляшторный, Султанов, 1992, С. 187; Султанов, 2006, С. 207). В то же время существует и противоположная точка зрения, согласно которой, командование этим походом не было доверено только Бату (Христианский мир, 2002, С. 260). Последнее воззрение, которое выдвигает А.Г. Юрченко, было обусловлено тем, что в этом походе приняли участие представители всех чингизидских кланов: от дома Чагатая – Бури (внук) и Байдар, Угэдэя – Гуюк и Кадан, Толуя – Мункэ и Бучек и совместно с ними пятый сын Чингиз-хана – Кулкан. Из числа сыновей Джучи называют Бату, Орду, Шибана и Тангута (Джувайни, 2006, С. 58; Рашид ад-Дин, 1960, Т.II, С. 37). Р.Ю. Почекаев предположил, что верховный главнокомандующий похода вообще не был назначен и Бату выступал в начале как командир войск своего улуса и только после завоевания Булгарии он возглавил войска. Основной причиной ссоры между Чингизидами он видит в том, что Угэдэй не назначил предводителя похода, а поняв позднее свою оплошность официально утвердил в этом статусе Бату (Почекаев, 2007, С. 86-87 и далее, С. 92-93). Такое видение несколько противоречит данным источникам. В «Тайной истории монголов» руководящий состав участников похода перечислен так: «Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все прочие» (Сокровенное сказание, 1990, §270, §274, С. 138, 139, 140). Бату назван первым в этом списке как представитель старшего дома Джучи и далее по порядку отпрыски других Чингизидов. Рашид ад-Дин также перечисляет царевичей, отправленных на войну в западные пределы, первым поставил Бату (Рашид ад-Дин, 1960, Т.II, С. 36). Основной состав монгольского военно-политического руководства приведен у Плано Карпини и в «Истории Тартар» б. Ц. де Бридиа из которого следует, что Бату «является самым могущественным после кана» (Плано Карпини, 1957, С. 44-45; Ц. де Бридиа, 2002, С. 110-111). Этот иерархический (субординационный?), а, следовательно, и военно-управленческий порядок подтверждается речью Угэдэй-каана, когда он делал «разнос» Гуюку за нарушение дисциплины и передал это разбирательство на рассмотрение Бату (см. выше сноску 2). В то же время В.П. Костюков заметил, что Гуюк и другие «скандалисты» не были должным образом наказаны (Костюков, 2007, С. 175). Причины этого, видимо, кроются в том, что Угэдэй скончался к концу 1241 г., а Бату в это время находился далеко на западе. Возможно, именно заносчивое поведение Гуюка и его сторонников в походе дало повод сомневаться современным исследователям в руководстве этим походом и полководческих способностях Бату.

Башгирд, Рус и Черкес до Дербенда Хазарского, который монголы называют Тимур-кахалка, и включить их в свои владения». Поэтому в этой военной кампании Менгу, Бучек, Гуюк, Субэдэй-бахадур и другие царевичи «все собрались вокруг Бату и занялись завоеванием северных стран» (Рашид ад-Дин, 1960, Т. II, С. 71-72). В монгольской военной практике XIII в. общеимперские военные предприятия, в которых участвовали Чингизиды, обычно возглавляло одно лицо из старших сыновей или братьев царствующего монарха⁵. Так, переднеазиатская военная кампания была возложена на Хулагу – пятого из десяти сыновей Толуя, которому были подчинены все войска, отправленные ранее в этот регион: войска Джурмагуна и Байджу, подразделения тама в Иране, Кашмире, «в пределах Балха и Бадахшана», а также отряды чингизидских царевичей посланные ему на подмогу (Рашид ад-Дин, 1952, Т.1, Кн.2, С. 279-280; Рашид ад-Дин, 1960, Т. II, С.23). Косвенным свидетельством единоначалия в военном походе служит эпизод, когда Угэдэй-каан браня Гуюка, напомнил ему поучение Чингиз-хана, когда «множество – страшно, а глубина – смертоносна» (Сокровенное сказание, 1990, §277, С.142). Т.Д. Скрынникова справедливо заметила, что принцип единовластия был одной из основных идей, содержащихся в «Сокровенном сказании» и монгольских летописях XVII в. (Скрынникова, 1993, С.167). По словам Джувайни именно Бату «подчинил и покорил сплошь все те края, которые были по соседству его: остальную часть (земли) кипчаков, аланов, асов, руссов и другие страны, как то: Булгар, М.к.с. и другие» (Джувайни, 2006, С. 56). Никто кроме правителя улуса не мог отправить войска в поход. Верховный главнокомандующий сам единовластно распоряжался всеми военными силами, подчиненными ему. Бату «при наступлении срока устройства войск ..., сообразно требованию времени, отряжал войска от родственников, родичей и эмиров» (Джувайни, 2006, С. 57). Во время вторжения монгольской армии в Центральную Европу Бату командовал центральной (основной) группировкой войск (Синор, 1999, С. 368-369; Sinor, 1999), т.е. занимал позицию командующего. Все это позволяет считать Бату главным руководителем семилетнего похода.

Приведенные выше названными исследователями отдельные фрагменты военной биографии Бату (длительная осада Козельска, «заминка» у Торжка и некоторая несогласованность действий монгольских военачальников в битве с венграми на р. Шайо), якобы свидетельствующие о нем как неудачном полководце не могут, на мой взгляд, считаться веским доводом в пользу «малой компетентности» Бату как военачальника. Действительно при возвращении (отходе) монгольской армии в кыпчакские степи из зимнего похода 1237-1238 гг. на Северо-восточную Русь, которая двигалась известным «облачным» (широко разбросанной линией) методом войско Бату не смогло с ходу взять г. Козельск и вынуждено было остановиться здесь на два месяца (или семь недель). Военные

⁵ Большие военные походы возглавлял хан, как в случае среднеазиатского похода (1219-1224 гг.) Чингиз-хана. Завершающая война с Цзиньским Китаем 1230-1234 гг. проходила с участием Угэдэй-каана. Во время проведения курултая 1235 г. Угэдэй сам «намеревался направиться в Кипчакскую степь» с войсками, но был отговорен от такого решения убедительными доводами Мункэ (см. Рашид ад-Дин, 1960, Т. II, С. 35-36). В середине 50-х гг. XIII столетия великий каан Мункэ решил лично возглавить войска, направленные на покорение империи Сун. Марко Поло, описывая правление Хубилая, как-то отметил, что «в этот раз великий хан, как вы слышали, ходил сам на войну, в других случаях посылает он на войну своих сыновей и князей, а в этот раз сам захотел идти на войну» против мятежника Наяна (Марко Поло, 1990, С. 93).

силы, которыми он располагал, были недостаточны для быстрого захвата города и подошедшие отряды Кадана и Бури «взяли его в три дня» (Рашид ад-Дин, 1960, Т. II, С. 39). Но такая задержка со штурмом этого незначительного города, с точки зрения военной стратегии, не говорит ни прямо, ни косвенно о слабом знании Бату канонов военного искусства. Монголы могли осаждать города вследствие весомых конкретных причин (допустим отсутствия стенобитной военной техники или боезапасов к ним) от нескольких недель до года и более. Отдельные несогласованные решения монгольских военачальников – Субэдэя и Бату в процессе военных действий как в случае сражения на р. Шайо не позволяют выдвинуть «поспешный» вывод о неспособности Бату в роли военного руководителя. После боя на Шайо Бату признал правоту Субэдэя, а это предполагает думать, что он извлекал полезные выводы из происходивших военно-тактических казусов. Его знаменитый дед Тэмуджин неоднократно терпел поражение и в начале своей военной карьеры и даже позднее, но это не дает нам оснований отказывать ему в наличии военного таланта. Так, например, в войне с цзиньским Китаем в 1229-1230 гг. (датировка по Юань ши) «в последовавшем нападении на заставу Тунгуань войска [Субэтая] не добились успехов и император возложил ответственность на него» и на время отстранил его от руководства войсками (Юань ши, 2005, С. 501-502). Приведенный нелицеприятный факт из военной деятельности Субэдэй-бахадур, пожалуй, одного из самых прославленных и опытных монгольских полководцев, не является поводом оценивать его военный потенциал негативно. Трудность и сложность взятия городов и крепостей в силу сложившихся условий, тактические ошибки и промахи всегда совершались на войне, т.к. никто из самых одаренных военных гениев не застрахован от них и не может гарантировать беспроегранный успех и примеров которых в военной истории человечества встречается немало. Личное (непосредственное) неучастие монгольских командующих в битвах и сражениях также не показатель неимения у них персонального боевого мастерства⁶. Если не забывать, что основная задача полководца на войне это качественная подготовка армии к военной кампании, умелое построение войск в полевых условиях, оперативно-тактическая грамотность при проведении военных операций и, в конечном счете, направляющее стратегическое управление ходом войны в целом. Более того, все военные предприятия Бату по впечатляющим военным итогам оказывались победными и, наоборот, показывают эффективность и успешность избранной военной и внешнеполитической стратегии. Лично видевший Бату в его ставке на Волге, Плано Карпини описывает монгольского предводителя как человека очень «милостивого», но внушавшего страх своим людям, а «в бою он весьма жесток; он очень пронизателен и даже весьма хитер на войне, так как сражался уже долгое время» (Плано Карпини, 1957, С. 71). Не случайно Киракос Гандзакети характеризует Бату как «великого военачальника» (Киракос, 1976, С.

---

6 Плано Карпини, рассказывая о войне монголов в Венгрии, отметил, что там «Татары возымели такой страх, что все пытались сбежать. Но Бату, обнажив меч пред лицом их, воспротивился им, говоря: «Не бегите, так как если вы побежите, то никто не ускользнет, и если мы должны умереть, то лучше умрем все, так как сбудется то, что предсказал Чингис-кан, что мы должны быть убиты; и если теперь пришло время для этого, то лучше потерпим». И таким образом, они воодушевились, остались и разорили Венгрию» (Плано Карпини, 1957, С. 47). Чем не пример личного мужества и стойкости настоящего военачальника?

217). Обстоятельные сведения глава францисканской дипломатической миссии получил со слов окружающих, близких ко двору лиц. Такая емкая характеристика индивидуальных военных черт монгольского полководца очень точно определяет военные возможности Бату, и не верить показаниям этих средневековых очевидцев, веских аргументов нет. Накануне решающего столкновения с противником на территории Венгерского королевства Бату предварительно сам ознакомился с будущими полевыми условиями боя и только после этого принял верное решение, что еще раз говорит о нем как рассудительном и рациональном военном стратеге. К тому же назначение слабо разбирающегося в военном деле военачальника во главе крупного стратегического похода в мало знакомые монголам западные страны выглядело бы, пожалуй, весьма не адекватным и могло привести к провалу всей военной акции.

В целях решения поставленной геостратегической цели по захвату отдаленных воинственных народов западной Евразии в военной кампании по приказу Угэдэя принял участие такой военный специалист как Субэдэй-бахадур, имевший богатый военный опыт, стратегический кругозор, тактическую смекалку и знание специфики театра будущей войны. На него часто возлагали разработку военных планов, проведение определяющих авангардных военных операций и командование основной или экспедиционной армии. Представленное ни в коей мере не означает, что все военные победы, достигнутые монголами в западном походе, следует приписать Субэдэю, но его координирующая роль, как «военного менеджера» в стратегии и тактике и согласовании военных действий задействованных войск несомненна. Такая практика назначения ведущих военных советников в руководящий состав монгольской армии ведет начало от самого Чингиз-хана, прикомандировавшего известного военачальника, имевшего заметные военные заслуги к своим сыновьям. В «Послании венгерского епископа епископу парижскому о татарах» 1239 г., записанных в анналах Уэйверлейского монастыря говорится, что у самого Чингиз-хана в окружении находилось 42 советника, но особо подчеркнуто, что «никто из целого войска не осмеливается спросить, куда идет господин их или что он намерен делать» (Анналы 1, 1979, С. 175). Военное планирование предполагаемой войны обсуждалось на закрытых совещаниях высшего военно-политического руководства, и после принятия решения о начале военной кампании утверждалось на курултаях ханом. Иные лица, прежде всего представители чужой страны допуск к таким тайным советам не имели. «Что касается таких важных дел, как походы, война и другие, то [они] решаются только самим татарским правителем. Однако он еще обдумывает их вместе со своей родней. Китайцы и другие люди не участвуют [в этих обсуждениях]. [Татарский правитель] обычно называет татар «своей костью»», т.е. *“ober-un yasan”*, состоявшей из близких родственников происходивших от одного предка (Пэн Да-я, Сюй Тин, 1960, С. 142; см. также Анналы 2, 1979, С.181).

Назначение на руководящие военные должности производилось по воле хана и совету его ближайшего окружения не только по критериям родства, но и политического и военного статуса, знаний военного искусства, боевого опыта, личностных свойств и качеств, возраста. Видимо в каждом таком случае какой-то из перечисленных факторов оказывался решающим и зависел от сложившейся ситуации. Накануне своей войны с Хорезмом «он [Чингиз-хан] установил ранги для сыновей

и великих эмиров и нойонов тысяч, сотен и десятков и наставлял их и назначил оба крыла и авангард (своего войска) и установил “Новую Яасу”» (Джувайни, 2007, С. 23). При Чингиз-хане встречается выдвижение полководцев в случае временного отсутствия главы империи в качестве наместников хана на завоеванной территории. Перед уходом монгольской армии в среднеазиатский поход 1219-1224 гг. Мухали получил должность главнокомандующего войсками и одновременно гражданского управляющего в Северном Китае с пожалованием ему титулов «*тайшии*» и «*го-ван*» с весьма широкими политическими полномочиями. В этой связи автор «Полного описания монголо-татар» и называет его «временно замещающим императора» (Мэн-да бэй-лу, 1975, С. 59). Практиковалось отправление отдельных экспедиционных войск для охраны рубежей и границ империи. По завершении курултая 1229 г. Угэдэй-каан отправил в Иран тридцатитысячный корпус во главе с Джурмагуном (Чормаган)-нойоном и несколькими эмирами против не покорившегося хорезмского султана Джелал-ад-дина (Рашид ад-Дин, 1960, Т. II, С. 20-21), который здесь находился почти четверть века вплоть до прихода войск Хулагу. Основной командный состав этого войска передает Киракос Гандзакечи. «Вот главнейшие и знатнейшие из них (татар): первый и великий, глава и повелитель всех войск Чармагун-ноин, человек, обладающий судебной властью и судивший. Вместе с ним заседают Исрар-ноин, Гутун-ноин, Тутун-ноин и Чагатай — военачальник, которого убили мулехиды. Много еще было [у них] военачальников и бесчисленное число воинов» (Киракос, 1976, С. 174; см. также более подробно Патканов, 1871, С. 8-9, 10-11, 24-25). В исследовании Т. Мея в специальной сводной таблице приводятся имена около двадцати монгольских военачальников, составленной по армянским источникам (более подробно см. Мау, 1996, Р. 90-91). Григор Акнерци сообщает о 110 монгольских военачальниках, которые после специального курултая, созванного Чормаганом «разделили между собою все земли» (Патканов, 1871, С. 11).

В Улусе Джучи в период отсутствия главы его место занимал наследник. Бату после смерти Гуюка оставался в восточных пределах, дабы утвердить свое политическое положение, а «во главе войска оставил своего сына по имени Сартах». После смерти Бату, последовавшей в 1255 г., Мункэ-каан передал Сартаку «власть отца его — командование всеми войсками, а также [владение] всеми покоренными им (Батыем) княжествами; затем, назначив его вторым [человеком государства] и дав право издавать указы, как властелин, отпустил его восвояси», - пишет Киракос Гандзакечи (Киракос, 1976, С. 218, 226). Следует обратить внимание на то, что власть Бату и его преемника заключалась в первую очередь в командовании войсками на контролируемой ими территории. Руководство отдельными важными военными операциями доверялось близким к хану людям — братьям, сыновьям, племянникам, проверенным военачальникам. Известная в истории русских княжеств «Дюденева рать» 1293 г. возглавлялась главнокомандующим Туданом («Тудакан») — сыном Менгу-Тимура, братом хана Токты. Это нашествие, не уступавшее по своему военному натиску первому вторжению монголов на Русь 1237-1240 гг., по Воскресенской летописи происходило так: «Царь же отпусти брата своего Дедюню со множеством рати на великого князя Дмитрия Александровича. Они же пришедше много пакости учиниша христианом, и много градов поймаша: Володимерь, Суздаль, Муром, Юрьев, Переяславль, Коломну, Москву,

Можаеск, Волок, Дмитров, Угличе поле, а всех градов взяша 14, и всю землю пусту сотвориша» (ПСРЛ, Т. VII, 1856, С. 180; см. более подробно Астайкин, 1996, С. 479-481). Обладая значительным объемом властных полномочий, хан, тем не менее, в Золотой Орде не был абсолютным монархом (Почекаев, 2005, С. 146-157).

Высший военно-управленческий слой в Золотой Орде состоял из Чингизидов, которые принадлежали по праву происхождения и родства к военной-потестарной элите (улусные владетели, *огулы (огланы)*, темники, нойоны). Военная знать этого (второго) уровня обладала необходимыми властными прерогативами в своих уделах. В огромную территорию Улуса Джучи разделенную на два крыла – правое (владения Бату) и левое (владения Орда-Еджена) входили крупные улусы, принадлежавшие Чингизидам. Если начинать с западных пределов, то улус, расположенный за Днестром можно условно считать первым. В конце XIII в. это была территория, контролировавшаяся Ногаем (сын Тутара, сына Бувала, седьмого сына Джучи) и его сыновьями. Улус, примыкающий к Днепру принадлежал Коренце (Куремса русс. лет., Курумиши по Рашид ад-Дину – сын Орды?). Правую сторону Дона составлял улус Картана, мужа сестры Бату. Левобережье Дона занимал Моуцы (Моусу, Муджи Яя – второй сын Чагатая?). Крымский улус первоначально был отдан темнику Ток-Буга (Чингизид ?), а при Менгу-Тимуре он был пожалован Уран-Тимуру сыну Тукай-Тимура (13-й сын Джучи). Между Волгой и Уралом кочевал старший сын Бату – Сартак. Северокавказские степи, примыкающие к западному побережью Каспийского моря до Дербента, были первоначально местом улуса 3-го сына Джучи Берке – брата Бату, но затем его в удел был перемещен за Волгу. Собственные владения золотоордынского хана составляли поволжские степи. Далее на восток по правому и левому берегу Яика предположительно находился еще два владения – девятый и десятый улус, имя правителей, которых осталось неизвестным (Султанов Т.И.). Улус Тукай-Тимура оказался разбросанным и состоял из полуострова Мангышлак, Хаджи-Тархана (Астрахань) и области асов на Северном Кавказе. Улус Хорезм, видимо, считался особым округом Золотой Орды и подчинялся управителю, назначенному Сараем. В период правления хана Узбека наместником Хорезма был его родственник старший эмир Кутлук-Тимур. Начиная с верховьев Урала, включая значительную часть территории западного, центрального и северного Казахстана до нижнего и среднего течения Сырдарьи была отдана пятому сыну Джучи – Шибану. Крайние восточные земли – верховья Иртыша и оз. Ала-куль стали улусом Орды – старшего сына Джучи (Плано Карпини, 1957, С. 68-73; Абуль-Гази, 1996, С. 99-100, 104; Федоров-Давыдов, 1973, С. 60-61, 66-67; Егоров, 1985, С. 163-165; Кляшторный, Султанов, 2004, С. 212-213; Султанов, 2006, С. 218-220). Но, через несколько поколений численность прямых отпрысков как по мужской, так и по женской линии в джучидских кланах увеличилось настолько, что в XIV в. изменилась структура государства и общества, которая привела к известному социальному и политическому кризису перепроизводства элиты, когда каждый *оглан* (тюрк. «сын», титул членов – рода Чингиз-хана, не занимавших ханского престола) вынужден был ожидать получения собственного надела. «В XIV веке большинство постов командиров крупных армейских соединений (туменов и тысяч) занимали князья» (Вернадский, 1999, С. 139). Противоречие между ростом численности «аристократов по крови» и острой нехваткой материальных

и людских ресурсов по их обеспечению полноценными уделами рано или поздно должен был привести к внутреннему конфликту, победителей в котором, в конечном итоге не было. Наблюдаемая внешне в этот период бескомпромиссная борьба за власть в золотоордынской элите была тем насильственным способом придания социальной системе состояния баланса, но, как известно приведшая к еще большей нестабильности.

По данным Рашид ад-Дина войско Бату строившееся по стандартной военно-тактической схеме, возглавляли - Мункур (*сиджуит*) командовал левым крылом, а Хушидай-Байку (*хушин*) ведал правым крылом. Помимо них упомянуты старшие эмиры Элдэкэ, Ит-Кара, Бек-Тимур (Рашид ад-Дин, 1952, Т.1, Кн.2, С. 274; Кн.1, С. 111, 172, 190). Прибывшее в Египет в 1263 г. посольство Берке в содержащемся при них письме сказано «о старших и младших братьях с детьми» (общее число более 17) принявших ислам, которые были высокопоставленными лицами в золотоордынской политической иерархии (Байбарс, 2005, С. 88-89). По арабским источникам в правлении Менгу-Тимура «эмиром, начальником левого крыла был Маву», а «эмиром, начальником правого крыла Тайра» (Калавун, 2005, С. 79; ан-Нувайри, 2005, С. 126). Последние, скорее всего, занимали высшие военные должности в золотоордынской армии и не считались самостоятельными улусными правителями и перечислены в конце списка, после Чингизидов. Посадив на «престол Саин-ханов» Токту, Ногай через некоторое время направил свою жену Байлак-хатун к нему, передав через нее имена эмиров, выступавших против него вместе с Тула-Бугой, которых насчитывалось 23 человека, с просьбой умертвить их. В первой войне с Токтой на стороне Ногая выступало 17 эмиров + 3 его сына. Войско Ногая насчитывало 200 тысяч всадников. Если исходить из косвенных сведений количество эмиров, поддерживавших этого властителя было более 20 человек. Перед второй решительной схваткой с золотоордынским ханом Ногай покинуло 5 эмиров, что существенно ослабило имеющийся у него военный потенциал. Причины этого кроются в том, что «главными помощниками его (Ногая) из князей монгольских были Айаджи, сын Курмышы, и брат его, Караджи. Когда он поставил над ними своих сыновей, то оба они со своим народом ушли к Токтаю. Сыновья Ногая отправились в погоню за ними; некоторые из них возвратились, а остальные ушли. Сыновья Ногая убили тех из приверженцев Айаджи и Караджи, которые возвратились с ними, равно как и детей их. Сильно вознегодовали за это эмиры монгольские, которые находились при нем; они ушли к Токтаю и стали возбуждать его к войне против Ногая». Токта немедленно воспользовался выгодно складывающейся для него военно-политической ситуацией и сумел мобилизовать огромное войско, куда вошли 15 темников, включая перебежчиков от Ногая, а также 3 брата хана. Обладая существенным военным перевесом Токте и поддерживавшим его военачальникам, удалось уничтожить своего противника (Байбарс, 2005, С. 98-99, 100, 102-103; ан-Нувайри, 2005, С. 128; Ибн Халдун, 2005, С. 273). Военно-командный состав эмиров Токты и Ногая показывает, что их удельный вес и значение, политические настроения и колебания были определяющим фактором в борьбе за верховную власть.

Лицо, возглавлявшее армию или поход, несло персональную ответственность за вверенные ему войска перед ханом. Военные успехи или неудачи обычно в любой военно-политической иерархии прямо сказывались на карьере военачальника. Так, Берке на войну против

наследника Хулагу Абаги направил двух военачальников: «Сунтая — сына Митукана, сына Джагатая — и Ногая, сына Татара, сына Могола (sic!), сына Душихана. Когда оба войска сошлись, Сунтай оробел и обратился в бегство. Перед Ногаем же бежал Абага, и войскам его было нанесено поражение. Вследствие этого возвысилось значение Ногая у Берке и (усилился) гнев Берке на Сунтая, значение которого у него (Берке) было жалко». Ал-'Айни добавил в своих сведениях, что «Берке поставил его над несколькими томанами, и он (Ногай) был причислен к ханам» (Ибн Халдун, 2005, С. 270-271; Ал-'Айни, 2005, С. 355-356; см. также ан-Нувайри, 2005, С. 124). Причисление Ногая к ханам, конечно, не соответствовало действительности, но его доминирующее военное, а затем и политическое положение внутри золотоордынского истеблишмента, несомненно. По летописи Байбарса Ногай в числе первых лиц государства должен был получить свою долю подарков, присланных египетским султаном, т.к. он «был у них (Татар) полководцем и пользовался между ними почетом». В сочинении ал-Макризи Ногай (точнее «Ису Ногай») фигурирует как родственник Берке и «старший предводитель войск его». А в «Истории Вассафа» он назван «военачальником Бату и Берке». Аналогичные данные оставил и Рашид ад-Дин о Ногае, «который был полководцем Бату и Берке» (Байбарс, 2005, С. 94; ал-Макризи, 2005, С. 306; Вассаф, 2006, С. 172; Рашид ад-Дин, 1960, Т. II, С. 83). Византийский историк Георгий Пахимер сообщает, что «Ногай из тохарцев (татар) был человек могущественнейший, опытный в управлении и искусный в делах воинских», который «занял в Орде почти равное с ханами положение». И далее «будучи послан от берегов Каспийского моря начальниками своего народа, носившими название ханов, с многочисленными войсками из туземных тохарцев, которые назывались монголами (Μηγοῦλοῖ), напал на племена, обитавшие к северу от Евксинского (Понта), издавна подчинявшиеся римлянам, но по взятии города латинянами и по причине крайнего расстройтва римских дел, отложившиеся от своих владык, управляющиеся самостоятельно. При первом своем появлении Ногай взял те племена и поработил. Видя же, что завоеванная земля хорошая, а жители легко могут быть управляемы, он отложился от... ханов и покоренный народ подчинил собственному своему владычеству» (Пахимер, 1862, С. 315-316). Ногай в системе управления правого крыла Улуса Джучи занимал практически второе, после хана место — ведал «правым крылом войска» Золотой Орды (Рашид ад-Дин, 1960, Т. II, С. 105). В работах, посвященных его политической деятельности Ногай считался военачальником самого высшего ранга — «мириарх», имевший собственную армию. Н.И. Веселовский был убежден, что «Ногай ... под конец своей долгой и боевой жизни усилился до такой степени, что основал особое владение и в международных сношениях занял положение одинаковое с ханским» (Веселовский, 1922, С. 1; Вернадский, 1999, С. 171; см. также: Сафаргалиев, 1960, С. 55-61 и др.). Военный авторитет Ногая среди джучидских огланов был очень высоким. Возможно, поэтому, правивший до Токты Тула-Буга задумав зимний поход «в землю Краковскую» послал приказ Ногаю двинуться с находившимися при нем войсками и сообщая напасть на польские земли. Поход закончился неудачно, но Ногай сумел найти самую короткую дорогу и его люди благополучно возвратились домой, а войска Тула-Буги понесли огромные потери и почти полностью погибли в пути. Это вызвало серьезные подозрения с его

стороны в отношении Ногая и привело, в конечном счете, к вероломному убийству хана его политическим соперником – Токтой инсценированным коварным временщиком (Байбарс, 2005, С. 96-97; ан-Нувайри, 2005, С. 126; Ибн-Халдун, 2005, С. 271-272). Ногай действительно можно причислить к числу выдающихся военных деятелей и полководцев Золотой Орды, политическое значение которого усиливалось вплоть до воцарения Токты на сарайском троне, которого непосредственно возвел в ханы сам Ногай. Хамдаллах Казвини, рассказывая о приходе к власти Токты, прямо указывал, что «он завладел государством» «при содействии Ногайя, который был начальником войска (амир-и лашкар) улуса» (Казвини, 2006, С. 182-183). Военный статус Ногая в Золотой Орде можно аттестовать как «беклербека» («бек над беками» или «великий князь») – главнокомандующий войсками, ведущий полководец под началом хана, принадлежавшего к тому же по праву кровного родства к правящей династии. По отношению к нему все джучидские царицы, которые были намного моложе, вели себя весьма почтительно и называли его старшим братом (дядей) – «ака». Убийство Ногая простым воином во время второго сражения с Токтой считалось преступлением и выражено в словах последнего: «Простой народ да не убивает царей!» (Байбарс, 2005, С. 103; ан-Нувайри, 2005, С. 129-130; Ибн-Халдун, 2005, С. 273). Приговорить к смерти Чингизида за серьезные преступления (например, мятеж) мог только хан⁷. Непримиимый враг Токты сын Ногая – Джека бежал в Валахию в 301 г.х. (1301-02 г), где был схвачен местным князем, который известил хана о его пленении, и только получив прямой приказ от Токты, он был убит (Байбарс, 2005, С. 106; ан-Нувайри, 2005, С. 130; Ибн-Халдун, 2005, С. 273).

После окончательного разгрома Ногая и его сыновей Токта, скорее всего, назначил на пост беклербека своего сына Ил(з)басара (Ильбасар, Ирбысар). Из «Энциклопедии» ан-Нувайри известно, что он «исполнял при отце должность командующего войсками» вплоть до своей естественной смерти в 707 г.х. (1307-08) (ан-Нувайри, 2005, С. 132; см. также Бадр ад-дин ал-‘Айни, 2005, С. 360). Илбасара готовили в качестве преемника Токты и он имел какие-то военные достижения, т.к. интересно, что приставкой к его имени был титул «бахадур» (Ибн Халдун, 2005, С. 274; Чингиз-

---

⁷ По установившейся монгольской традиции знатные лица (прежде всего потомки Чингиз-хана) за свои преступления лишались жизни без пролития крови. Побратиму – анда Чингиз-хана – Чжамухе, по его же просьбе, было позволено «умереть без пролития крови» (Сокровенное сказание, 1990, §201, С. 99-100). Из книги Марко Поло известно, что потомок Тэмугэ-отчигина (младшего брата Чингиз-хана) – Наяя (Наян) за мятеж против каана Хубилая в 1287 г. был убит следующим образом: его «завернули в ковер, да так плотно свили, что он и умер. Умертвили его так, потому что не хотели проливать на землю крови царского рода, на виду у солнца и неба» (Марко Поло, 1990, С. 92-93). После циничного обмана и захвата в плен политических противников Токты «им покрыли головы и переломили спины. Это были Тулабуга, Алгуй, Тогрулджа, Малаган, Кадан и Кутуган, сыновья Менгугемира». В Золотой Орде такая «бескровная» традиция казни сохранялась даже в отношении женщин, в частности жена Тогана – Боракишин, за то, что обратилась к Хулагу – врагу Джучидского клана за помощью была утоплена. Другая «политически активная дама» – Джиджек-хатун (супруга Менгу-Тимура) была задушена (Байбарс, 2005, С. 98, 99; ан-Нувайри, 2005, С. 122; Ибн-Халдун, 2005, С. 269, 272; Ал-‘Айни, 2005, С. 352). Арабский путешественник ибн Батута, находясь в Средней Азии, привел в своей книге рассказ о убийстве Чингизида Бузана – султана Мавераннахра (1334-1338 г.), согласно которому сын султана Йасура Махзума «Халил встретился с Бузуном, войска его перешли на сторону Халила, разбили Бузуна, взяли его в плен и привели к Халилу. Халил его казнил, задушив тетивой лука, так как у них в обычае убивать цариц лишь удушением» (Ибрагимов, 1988, С. 91).

наме, 1992, С. 102). Среди монголов был известен культ полководцев – приносивших военный успех и удачу. Как пишет армянский историк Киракос Гандзакеси «великий военачальник их по имени Чармагун онемел, одержимый бесом и недугами, но власть все еще оставалась за его домом — страной правили его жена и сыновья вместе с управителями, ибо хакан велел, даже если [Чармагун] умрет, кости его возить вместе с войском, так как муж тот был очень удачливый и даровитый» (Киракос, 1976, С. 169). Военная магия, связанная с личностью военачальника встречается у монголов и других кочевых народов.

Утемиш-хаджи упоминает эмиров Кыйата Исатая и Сиджиут Алатая – приближенных Узбек-хана, а позднее в «замятный период» Кыйата Мамайя – руководившего правым крылом и Кыйата Тенгиз-Бугу управлявшего левым крылом (Чингиз-наме, 1992, С. 102-105, 108). Долгое время беклербеком золотоордынских ханов был Кутлук-Тимур, «который при жизни Токты правил делами государства и устройством дел его» и прямо способствовал приходу к власти хана Узбека (1313-1341г.г.). Воздействие Кутлук-Тимура⁸ на внутреннюю и внешнюю политику Золотой Орды было настолько значительным, что Ибн Дукмак и Ибн Халдун именуют его как «наместника», «правителя государства». Бадр ад-дин ал-‘Айни считал, что он «старший эмир из эмиров их ... распорядился управлением государства, устройством дел его и сбором податей» Узбек-хана, которому к тому же приходился двоюродным братом по матери. Арабские историки считают Кутлук-Тимура сторонником инициативы заключения брачного договора между царствующими домами Золотой Орды и мамлюкского Египта. Сосредоточив в своих руках главные нити государственного управления, Кутлук-Тимур стал основным советником Узбека, без предварительного совета с которым последний не мог принять самостоятельного решения. Неоднократно по приказу Узбека Кутлук-Тимур был предводителем войска, направленным против враждебных Хулагуидов. В конце его жизни Узбек «поручил управление Ургенджем и Хорезмом» Кутлук-Тимуру (1333-1335)⁹ (Ибн Дукмак, 2005, С. 242, 243, 246; Ибн Халдун, 2005, С. 274, 275, 282 примечание 14, 283-284 примечание 15; Бадр ад-дин ал-‘Айни, 2005, С. 361-362, 363, 366; Казвини, 2006, С. 186; Шайх Увайс, 2006, С. 198; Сборник летописей, 2006, С. 275, 277-278). Другим «старшим эмиром и начальником улуса – начальник эмиров» был Исабек, дочь которого Урдуджа стала четвертой *хатун* Узбека (Ибн Батута, 2005, С. 221). При Узбеке была проведена административно-политическая реформа, приведшая к централизации государства, и территория Золотой Орды была разделена на четыре части – Сарай, Хорезм, Крым и Дашт-и Кыпчак, а «правители этого султана – четыре улусных эмира, из которых старший (называется) беклярибеком, т.е. старшим эмиром» (ал-‘Умари, 2005, С. 186-187; о реформах Узбека подробнее см. Сафаргалиев, 1960, С. 67-71). Реформы Узбека направленные на укрепления системы управления государства существенно снизили политические позиции других джучидских кланов и одновременно способствовали усилению роли золотоордынских беклербеков.

⁸ Ибн Батута, посетивший Хорезм во время наместничества Кутлук-Тимура, буквально перевел его имя с тюркского как «благословенное железо», так как *кутлу* значит «благословенный», а *думур* – «железо» (Ибрагимов, 1988, С. 75; Ибн Батута, 2005, С. 235).

⁹ По некоторым данным он умер в 1368 г. (Ибрагимов, 1988, С. 110, примечание 15), что является ошибкой (см. Сафаргалиев, 1960, С. 70).

Возвышение беклербеков в Золотой Орде привело к тому, что они, сосредоточив огромную власть в своих руках, стали не только вмешиваться, но и самостийно определять порядок престолонаследия среди Джучидов. Так, во времена правления Джанибека – второго сына Султан Мухаммад Узбека «Тоглу-бай, который был одним из столпов его державы», воспользовавшись продолжительной болезнью хана, тайно призвал его сына Бердибека, находившегося с армией в Азербайджане, чтобы посадить на престол. Тоглу-бай и Бердибек составив заговор, убили Джанибека и развязали массовые репрессии против джучидских огланов, что привело почти к полному истреблению потомков Бату (Аноним Искандара, 2006, С. 254-255; Гаффари, 2006, С. 403). Эти драматические события, предшествовавшие «Великой замятне» нашли отражение в «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи: «Говорят, был человек с многочисленными и сильными родичами по имени Канглы Тулубай. Был он аталыком хана. Не преступал [хан] слов его, что бы ни говорил тот. Был у него сын по имени Сумай. Богатырь-стрелок он был. Разбойничал тот Сумай во время Джанибек-хана. Убил его по той причине хан — да пребудет над ним милость [Аллаха]. Тулубай в злобе за этого своего сына подавал [Бердибек-хану] такой совет, внушал: “Ты сейчас — молодой человек. Сыновья, народившиеся у тебя в эту пору, будут расти [с тобой] наравне. Ты будешь стареть ото дня ко дню, они [же] — мужать. Оспорят они и отберут у тебя ханство завтра, когда состаришься ты. [Так] убивай [же] их сейчас. Как начнешь стареть, тогда и оставишь [их в покое]”. И тот злосчастный слушался его и убивал [своих сыновей]. Называют его по этой причине Керкин-Көтән-хан» (Чингиз-наме, 1992, С. 108).

Из сочинений ал-Мухибби и ал-Калкашанди известно, что в XIV столетии в золотоордынском государстве существовало 2 разряда сановников и управителей: 1) «*Правители государства*», 2) «*правители областей в этом государстве*». К первым относился беклербек (позднее, преимущественно в персидских источниках, называвшийся *эмир-ал-умара* – «эмир над эмирами»), *визирь* и четыре улусных эмира¹⁰. Компетенция беклербека как главнокомандующего войсками выражалась в следующих титулах при официальном (письменном) обращении к нему: «охранителя границ, сберегателя окраин, поборника воителей и бойцов за веру, вождя войск единобожников, вождя томанов» и т.д. Один из самых известных ордынских беклербеков – Мамай, практиковавший интенсивную переписку с мусульманскими правителями в 1370-х гг. титуловался в письмах как «воинствующий, предводительствующий, пособник воителей и борцов, вождь ратей, меч повелителя правоверных». Ко второму разряду относились управители отдельных областей и городов (например, правитель Крыма, Азака) улусов - темники, нойоны (беки), эмиры (ал-Мухибби, 2005, С. 256-259; ал-Калкашанди, 2005, С. 292-294). Ал-‘Умари о государственном строе Золотой Орды писал: «Управление султана в этих странах делами войсковыми и правительственными (такое же, как) управление государством Ирака и Аджема, относительно числа эмиров, узаконений и службы, но здесь (в Дешт-Кипчаке) у начальника улуса и визиря нет (такого) права распоряжаться по своему усмотрению как у начальника улуса и визиря в том (Иракском) государстве». А «бекларибек распоряжается единолично в деле войсковом» (ал-‘Умари,

¹⁰ Из числа этих четырех улусных эмиров был беклербек.

2005, С. 169, 186). Указание на единоличность распоряжения беклербека в военных делах, по-видимому, подразумевает, что эта деятельность была для него основной. Кроме того, если исходить из других обращенных к нему эпитетов, то он занимался разработкой и реализацией внутренней и внешней политики, разрешением религиозно-правовых аспектов жизни и вопросами государственного управления, в общем (о статусе беклербека в Золотой Орде более подробно см. Федоров-Давыдов, 1973, С. 90-91; Егоров, 1985, С. 170-172). Назначение на высшую после хана должность – беклербека производилось лично самим монархом, который пользовался иногда полновесным доверием со стороны своего сюзерена, в некоторых случаях сохраняя верность ему даже после смерти правителя. Хан принимал решение, по наиболее важным вопросам государственной жизни, только после проведения консультаций и советов с беклербеком. Можно сказать, что в структуре высших звеньев золотоордынского государственного аппарата, беклербек исполнял функции канцлера (государственного секретаря), которому была подконтрольна армия, а он в целом обладал огромной властью и полномочиями. В истории Золотой Орды и Дашт-и Кыпчака XIV-XV вв. отдельные *эмир ал-умара* достигали, не считаясь временами ни с какими политико-правовыми нормами, порой такого полновластия, что практически становились главным лицом в государстве, реально пользуясь бесконтрольно всеми властными ресурсами. Такая политическая ситуация была связана с «вырождением» или отсутствием сильного и политически дееспособного царевича-джучида из ряда представителей правящей династии. Ярким примером такого управителя-временщика сарайского трона был упомянутый выше беклербек Мамай (изв. также как Кичик Мухаммад). Годы жизни достоверно неизвестны, но в источниках есть сообщение о его смерти в 1381 г. Сначала он по всей вероятности был эмиром (беком) могущественного племени *кыйат* (*кыйат*). По одним данным приходился зятем (*гурген*, *гураган*) золотоордынскому хану Джанибеку (1342-1357 гг.), по другим был женат на дочери Бердибека (1357-1359 гг.). В годы «Ордынской смуты» 1362-1381 гг. стал беклербеком и фактическим правителем правого крыла Золотой Орды, выдвигая марионеточных ханов (преимущественно?) из династии Батуидов. В источниках имя беклербека встречается в прозрачных контекстах «правил землями Узбековыми», «управлял всеми делами», «правитель в Крыме», «Мамай, завладевший Сарайским царством» и т.д. Одной из основных политических целей, которые ставил Мамай, был захват волжской столицы – Сарай-ал-Махрус, т.к. обладание именно этим центром государства позволяло упрочить его политические позиции, что он и пытался осуществить (1361, 1362, 1364, 1367-1368, 1371-1374, 1375 гг.). Несмотря на все военно-политические усилия Мамаю и временный успех, его положение было довольно шатким, ибо он (по происхождению «черный человек») не имел соответствующей легитимности и по закону никак не мог претендовать на ханство. В совершенстве, обладая искусством политического стратега и ловкого «кукловода» подставных фигур-ханов он был, судя по всему, бездарным военачальником, свидетельством чему является два понесенных его войсками жестоких поражений от русских – сражение на р. Воже (1378 г.) и Куликовская битва (1380 г.). Последнее обстоятельство, и появление серьезного политического игрока – джучидского оглана – Тукатимурида Токтамышя, привело, в конечном счете, Мамаю, к политическому краху и

гибели от недавних союзников - генуэзцев в 1381 г. в Каффе (Ал-Мухибби, 2005, С. 258-259; Ибн Халдун, 2005, С. 276-277; ал-Калкашанди, 2005, С. 293, 298 примечание 9; Чингиз-наме, 1992, С. 108, 117-118; ПСРЛ, Т. IV, С. 83; ПСРЛ, Т. XV, Стб. 141; Варваровский, 1994, и др.).

Другим ярким примером навязанного «политического регентства» над официальными ханами из истории поздней Золотой Орды вполне заслуженно как в источниках, так и в историографии считается *эмир ал-умара* – мангытский¹¹ эмир Едиге (Идику, Идикуй, Едигей 1352-1419 гг.). По данным персидских источников Едиге был сыном главного эмира (эмир ал-умара) Балтычака (Балынчак), служившего кок-ордынскому хану (1377-1378) Тимур-Мелику сыну Урус-хана. Его имя постоянно встречается на страницах восточных хроник и летописей. Едиге удавалось быть приближенным при дворе Урус-хана, стать беклербеком при Токтамыше, занимать важные политические позиции, и, имитируя роль близкого союзника Амира Тимура использовать его военную силу в борьбе за власть в Золотой Орде. Приблизительно, начиная с 1376 г. Едиге известен как эмир, бежавший к Тимуру от кок-ордынского хана Уруса и оказавший поддержку мятежному оглану Токтамышу. По всей вероятности вначале своего назначения он официально считался «вторым эмиром», старшим эмиром левого крыла, а правым управлял Текина, но сложилось так, что «известность и управление принадлежали Идики». Пользуясь расположением нового хана, Едиге становится «главным эмиром левой стороны» Улуса. Укрепление его положения в левом крыле и активизация как политического деятеля, вероятно, вызвали определенные опасения со стороны Токтамыша и привели к жесткому конфликту между ними. Опасаясь за свою жизнь, и не имея возможности противостоять хану, он уходит из Орды, и обращается к Амиру Тимуру, подстрекая его к нападению на Токтамыша, прельщая огромной добычей, - «богатства же там поддадутся угону, и сокровища придут (к тебе) на своих ногах!». В походе Тимура в Золотую Орду в 1391 г. красочно описанный тимуридскими историками, Едиге, выступивший со своими сторонниками – Тимур-Кутлугом и Кунче-огланом был проводником чагатайской армии – *качарчи*, который хорошо знал все пути и дороги Дашта. Во время гигантского степного марша воинства Тимура, что примечательно в пути следования к Токтамышу бежали два нукера Едиге, сообщившие заблаговременно ему о приближающейся опасности. Полагаю, что они были тайно посланы самим Едиге, который прекрасно знал о надвигающейся военной силе Тимура. По всей вероятности такой хитроумный маневр с его стороны можно объяснить не столько желанием предупредить золотоордынского хана, сколько тем, чтобы он был готов к ожесточенной схватке, дабы столкнуть их в неизбежном сражении и максимально обессилить обе стороны, преследуя одну цель - сбросить своего противника с престола чужими руками. При этом Едиге стремился обезопасить свой улус и владение. «Идику послал гонца к своим родичам

---

¹¹ По общим сведениям автора «Тухфат ул адиб уа хадият ул ариб» - Абу Мухаммеда Хусайна Едиге был «по происхождению узбек» (Прошлое, 1998, С. 108). Ибн 'Арабшах считал, что «племя его называлось Кунград» (Ибн 'Арабшах, 2005, С. 331). Правильной и надежно обоснованной источниками, а также поддерживаемой большинством исследователей является версия о мангытских корнях Едиге (Йазди, 2006, С. 292; Шами, 2005, С. 245, примечание 12; Кононов, 1958, С. 44; Трепавлов, 2002, С. 63. Полные сведения о политической деятельности Едиге см. Трепавлов, 2002, С. 62-85; Миргалеев, 2003, С. 122, 125-127, 137, С. 142-156).

и соседям, да к племенам левой стороны — все они принадлежали к числу сторонников и друзей его — без ведома о том Тимура, (сказать) чтобы они ушли из своих мест и откочевали из своих родных краев, направляясь туда, где и самый центр и местности до него (представляют) трудное сообщение и много опасностей; чтобы они, коли возможно, на одном привале не оставались 2 дня, и чтобы они [непрерывно] поступили так, иначе Тимур, застигнув их, рассеет их и погубит всех. Они последовали тому, что им предписал Идику, и шли, не останавливаясь» (Арабшах, 2005, С. 338; Прошлое, 1998, С. 108-109). Дальнейшие его действия подтверждают сказанное. После разгрома войска Токтамышша поведение Едиге резко меняется по отношению к своему политическому союзнику и патрону, который уходит от него, обманув его под благовидным предлогом о «заботе» нужд своего эля. Имея сильный политический авторитет и весомое влияние, по своему усмотрению Едиге ставил и низлагал ханов Улуса, приблизительно, начиная с 1396 по 1412 годы. Такими ханами были Тимур-Кутлук (1396-1400), Шадибек (1400-1408), Пулад (Фулад) (1408-1411), Тимур-хан (1411-1412), Чекри (Чакра, Чингиз-оглан) (1413-1414). Вполне закономерно Иоганн Шильтбергер, наслышанный о всевластии Едиге, пишет о нем, что это «сановник, который назначает и низвергает королей, которые во всем от него зависят» (Шильтбергер, 1984, С. 34). Любая попытка с их стороны получить настоящую власть и действовать самостоятельно жестко пресекалась со стороны «делателя королей». Ибн Хаджара ал-'Аскалани упоминает Едиге как «владельца Дештского», сообщая о приезде его жены в 1416 г. в Дамаск (ал-'Аскалани, 2005, С. 327). О безраздельном правлении мангытского эмира в Золотой Орде сообщают многие источники. «Устраивалось дело людское по указам Идику: он водворял в султанство кого хотел и смещал его с него, когда хотел; прикажет — и никто не противится ему, проведет грань — и (никто) не переступит этой черты», «правил он всеми делами Дештскими около 20 лет». Едиге распоряжался «управлением Сарая и Дешт-Кипчака; султаны при нем носили только имя, но не имели никакого значения», - рассказывает Ибн 'Арабшах (Арабшах, 2005, С. 342-343, 343-344, 348 примечание 37). Ал-'Айни постоянно называет его «царем Идики», «государем Крыма, Сарая и [прочих] земель Дештских», в 799 г.х. — 1395-96 г. «отнявшем землю от Токтамышхана» (Ал-'Айни, 2005, С. 374-375). Едиге был наделен не только политическими, но и военными способностями и даже носил звание *бахадур*. Руи Гонсалес де Клавихо оценивал его военные силы в более двести тысяч всадников, что было весьма вероятно (см. Абд ар-Раззак Самарканди, 2005, С. 365; Клавихо, 1990, С. 144). В августе 1399 г. в разыгравшемся сражении на р. Ворскла, Едиге совместно с ханом Тимур-Кутлуком удалось наголову разбить хорошо подготовленное войско (имевшее на вооружение пушки) польско-литовского короля Витовта и его союзника Токтамышша. Победа была одержана с использованием изощренных дипломатических уловок и своевременно проведенными военными приготовлениями и самое главное благодаря воинскому таланту Едиге (ПСРЛ, Никоновская летопись, 1897, Т. XI, С. 172-174; Тверская летопись, 1999, С. 117-118; Ляскоронский, 1907, С. 102-121; Вернадский, 1999, С. 287-289). Перед своим нашествием на Москву в 1408 г. Едиге с целью введения в заблуждение великого князя Василия Дмитриевича специально распустил ложный слух о подготовке большого похода на Литву через подставного перебежчика. Неожиданно,

несколько недель спустя, огромное золотоордынское войско 1 декабря 1408 г. оказалось у стен Москвы. Ордынские отряды рассыпались по русской земле, грабя и разоряя беззащитные села, города, захватывая пленных (несколько десятков тысяч). Такая демонстрация военной мощи оказалось достаточной для получения «откупа» с Москвы «в 3000 рублей», и Едиге 21 декабря снял осаду и ушел в Орду (ПСРЛ, Новгородская летопись, 2004, Т. XLIII, С. 167; Астайкин, 1996, С. 512-515; Похлебкин, 2005, С. 66). Узнав о смерти Амира Тимура Едиге зимой 1405-1406 гг. овладел Хорезмом и сделал его своей базой, оставив там своего наместника. После прихода к власти в Золотой Орде в 1412 г. сына Токтамышша – Джалал ад-дина, последний отправил против Едиге, который находился в Хорезме, своего полководца Каджулай-бахадур. Едиге имея малые силы, разделил их на две части и, применив военную хитрость, заманил войско противника в засаду, и уничтожил его вместе с их предводителем (Абд ар-Раззак Самарканди, 2005, С. 369-370). Ожесточенная борьба главного мангытского эмира с Токтамышем длившаяся почти десять лет, которые сражались «между собой 15 раз» закончилась гибелью хана в 1406 г. О дальнейшей междоусобной борьбе за власть в Золотой Орде подробно повествует И. Шильтбергер (Шильтбергер, 1984, С. 35-36). Дети Токтамышша продолжали оспаривать золотоордынский трон. Наконец, в 822 г.х. (1419 г.) Кадырберды сын Токтамышша в одном из боев нанес поражение всесильному временщику и приказал своим воинам убить его. Но беспорядки на этом не закончились. «Земли Дештские были расстроены и в них (царствовала) большая неурядица между старшими эмирами», - читаем мы о событиях середины 20-х гг. XV в. в летописи Бадр ад-дина ал-'Айни (Ал-'Айни, 2005, С. 374-375, 376).

По Ибн 'Арабшаху у Едиге было «около 20 сыновей, из которых каждый был царь владычный, имевший (свой) особый удел, войска и сторонников» (Арабшах, 2005, С. 343). По генеалогической схеме, приведенной в работе В.В. Трепавлова он имел 10 сыновей, из которых пятеро являлись беклербеками в Золотой Орде (Трепавлов, 2002, С. 655 схема 1). Один из отпрысков Едиге – Науруз был главным военачальником – беклербеком при хане Улу-Мухаммеде, который пять раз становился ханом обессиленной Золотой Орды. Вследствие возникших между ними разногласий Науруз отошел «от него с тем войском, которое захотело за ним [Наурузом] следовать. Он направился к реке Ледиль, где стоял некий Кезимахмет (Кичи-Мухаммед), что значит малый Магомет, происходивший из рода татарских императоров. Оба они объединили как свои замыслы, так и военные силы и решили вместе идти против того Улумахмета» (Барбаро, 1971, С. 141). Позднее, при потомках Едиге – Ваккас-бий, Муса-мирза, Ямгурчи в Мангытском йурте (Ногайская Орда) институт ханской власти был настолько ослаблен, что вместо этого утвердилось правление мангытских мурз. Так, согласно автору Шайбани-наме в Дашт-и Кыпчаке, до конца XV в. сохранялась политическая традиция, в соответствии с которой хана могли провозглашать и утверждать только мангытские эмиры (Шайбани-наме, 1969, С. 104).

Период политического господства мангытского эмира Едиге в Золотой Орде конца XIV – начала XV в. можно считать без преувеличения эпохой его неограниченного властвования, расшатавшего основные устои чингизидской модели государственности. «Беклярбекство» Едиге втянуло Золотую Орду в период затяжного системного политического кризиса

и свергло страну в череду социальных и экономических катаклизмов, окончательно подорвавших целостность и устойчивость государства, которая пришла к агонизирующему развалу и распаду на отдельные ханства.

В составе военно-управленческого механизма золотоордынского государства заметное место занимало «эмирское сословие», состоявшее из старших и младших эмиров (нойонов, беков). Ибн Баттута, который был свидетелем официального приема при дворе Узбека-хана, пишет следующее: «У подножия трона стоит справа (старший) сын султана Тинабек, а слева – второй сын его, Джанибек. ... Затем приходят старшие эмиры, для которых поставлены скамьи справа и слева. Со всяким человеком их, когда он приходит в собрание султана, приходит слуга со скамьей. Перед султаном стоят царевичи: сыновья дяди его, братья его и родственники его, а насупротив их, у дверей шатра, стоят дети старших эмиров, и позади их стоят начальники войск, справа и слева. Потом входят на поклон люди по разрядам, каждый разряд в три [человека], кланяются, отходят и садятся в отдалении». «Направо от трона поставлено сидение, на котором сидит Тинабек, (старший) сын султана, а налево – сидение, на котором сидит Джанибек, второе его сын. Поставлены справа и слева еще другие сидения, на которых сидят царевичи, эмиры старшие, а потом эмиры младшие, например тысячники, т.е. командующие тысячью человек». (Ибн Батута, 2005, С. 218, 225-226, см. также С. 221, 225). Военный нобилитет Золотой Орды – нойоны, беки - принимал активное участие в решение государственных дел. Так, во время сватовства египетского султана ан-Насира, который хотел жениться на девушке из рода Чингиз-хана, посол должен был вести переговоры по этому вопросу с «начальниками томанов – 70 эмирами», специально собравшимися для этого в ставке хана (Бадр ад-дина ал-'Айни, 2005, С. 363-364; ал-Макризи, 2005, С. 315, примечание 38).

Военная аристократия как в древнетюркских каганатах в монгольскую эпоху называлась *тархан* (*дархан*), от тюрк. *tarqan* – титул (ДТС, 1969, С. 538). Вплоть до Амира Тимура употреблялся монгольский термин *нойон* 'князь' (*бек*, *бег* тюрк. *beg* - правитель, вождь, господин, князь (ДТС, 1969, С. 91). «Словом *бег*, - пишет В.В. Бартольд, - обозначается вообще всякое «начальство» в самом широком смысле этого последнего слова независимо от того, получил ли он свою власть от государя, путем выборов или вследствие узурпации: начальники военных отрядов, от самых больших до самых малых (ср. особенно выражения *улус-беги*, *мин-беги*, *юз-беги* и *он-беги* в золотоордынских документах), лица, обладающие административной властью, начиная с сельского старосты и до наместника провинции, гражданские чиновники и судьи» (Бартольд, 1968, Т. V, С. 502; см. также Бартольд, 1963, Т.1, С. 451; Бартольд, 1968а, Т. V, С. 158). И.Н. Березин, специально занимавшийся анализом золотоордынских ярлыков и социально-политической терминологией, применявшейся здесь, перевел интересующие нас слова так: «Правого левого крыла угланам, бекам темным, во главе коих Эдеку, тысячным, сотным, десятным... букаулам, заставщикам ...» (ярлык Тимур-Кутлука). «Великого Улуса правого крыла левого крыла тьмой, тысячью, сотней, десятком начальствующим угланам и бекам, внутренних городов даругам и бекам ... караульным, заставщикам ... войсковым букаулам...» (ярлык Токтамышша). Он пришел к выводу, «что беки (князья) в Золотой орде были

трех родов: владетельные (улусные или удельные) вообще титульные (ордынский), военные (полчный высшие – темный, тысячный) и низший (сотный, десятный) и гражданские (волостные, городские). Смотря по должности, к которой оно прибавлялось, слово «бек» означено «князь» или просто «господин, начальник», во владетельном же смысле оно всегда означало «князь» более или менее высшей степени (так даже и ханы Золотой орды не редко носят титул беков: Уз-бек, Джани-бек, Берди-бек и проч.)» «Княжеские звания» состояли из 6 степеней. В отдельной работе, разбирая социальное устройство Золотой Орды, он подразделил «князей» (беков) на две группы: А) звания и сословия, состоявшие из таких понятий: «1. Князь Великий, средний, нижний; 2. Князь улусный, удельный; 3. Князь Ордынский, Татарский; 4. Князь людский». В) «1. Воевода (темный, тысячный, сотный, десятный); 2. Князь ратный, полчный, полководный (темный, тысячный) – высокий, (сотный, сотник, десятный, десятник) нижний; 3. Войсковой букаул» (Березин, 1851, С. 10, 21, 25-26; Березин, 1950, С. 7, 8-9).

Социально-политические категории золотоордынского чиновничества после выхода этих работ российского востоковеда пока не в достаточной мере привлекают интерес исследователей, поэтому затруднительно дать содержательную характеристику и детальное (расширенное) толкование социальной терминологии, использовавшейся в этом государстве. Тем не менее, можно, на мой взгляд, сказать, что социальная градация золотоордынского общества и сословно-структурный состав населения был сложным и приблизительно мог соответствовать социальному развитию параллельно существовавших средневековых восточных государств. В тоже время вполне очевидно, что политическая и социальная структура в Золотой Орде имела свою специфику, заключавшуюся в том, что здесь, несмотря на существование системы гражданского управления, все же превалировали социальные элементы, связанные с несением военно-государственной службы и отбыванием воинской повинности.

В ходе многолетних завоевательных кампаний монголы в евразийских степях фактически полностью уничтожили или вытеснили местную (старую) традиционную родовую элиту тюркских народов, прежде всего, кыпчаков. Истребительная тактика монгольского руководства в этом регионе была сознательной политикой, направленной на установление и укрепление нового политико-правового порядка, в котором завоеватели занимали лидирующие позиции в конструируемой ими социально-политической структуре общества. Покоренное население стало по меткому выражению Г.А. Федорова-Давыдова исходным «материалом для построения улусной системы». Такой насильственный путь создания социального устройства среди кочевников Дашт-и Кыпчака «вызвало бурный процесс ломки старых родовых и племенных отношений и смешение старых границ и членений» (Федоров-Давыдов, 1973, С. 42). В.В. Бартольд, совершенно справедливо отмечал в этой связи, что Чингизиды смогли укрепить свое доминирующее положение именно там, где они менее всего могли опираться на предшествующие государственные традиции, а упрочение государственного строя зависело от созданной Чингиз-ханом военной организации. Поэтому в формируемой монголами империи даже гражданское управление было основано на военных началах (Бартольд, 1968а, Т. V, С. 135; Бартольд, 1968б, Т. V, С. 264). По-видимому, военно-административное управление в Золотой

Орде первоначально строилось также как и в целом в Монгольской империи в приоритете военно-административных методов управления. Расквартированные армейские части базировались на определенной территории, центром которой был лагерь (ставка – орда) – командира воинского подразделения – главы местной администрации. Тем самым, временные «военно-полевые штабы» монгольских командиров стали местом дислокации как военной, так и гражданской власти на местах. На них возлагалась организация и поддержание налаженной системы ямской и курьерской службы, сбор налогов. Армейские части стали основой центральной власти на местах, которой подчинялся отведенный район в государстве. Для удобства административного управления население было поделено на десятки, сотни, тысячи и тьмы. Таким образом, этот низовой уровень в Золотой Орде представлял собой местное управление, на которое возлагались две основные задачи – сбор налогов (или дани) и набор воинов (Вернадский, 1999, С. 131, 132, 218, 221). Естественно, что со временем по мере усложнения системы налогообложения и формирования налаженного бюрократического аппарата гражданская администрация стала играть все более заметную роль (Гальперин, 2005, С. 233) и стало самостоятельной ветвью власти. Тем не менее, военизация государственного аппарата управления в Золотой Орде была определяющим фактором как внешнего, так и внутреннего развития на протяжении всей истории этого государства. По всей вероятности, это связано с тем, что для более эффективного осуществления политической власти, как в кочевой, так и оседлой среде преимущественно гражданский механизм функционирования политического режима был недостаточен. В то же время вполне очевидно, что, несмотря на целенаправленную и очень жесткую военно-иерархическую структуру, пронизывавшую кочевое общество сверху и почти донизу, клановые лидеры номадов сумели сохранить власть внутри родового сообщества и в целом успешно включились в военную систему управления империи.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

«Из «Места восхода двух счастливых звезд и места слияния двух морей» сочинения Абд ар-Раззака Самарканди» // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т. II) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Отв. ред. М.Х. Абусейтова. Пер. и доп. Подг. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М.Х. Абусейтовой и Ж.М. Тулибаевой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. – С. 361-384.

Абуль-Гази-Багадур-хан. Родословное древо тюрков // Абуль-Гази-Багадур-хан. Родословное древо тюрков. Иакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. – М.-Т.-Б., 1996. – С. 3-186.

«Из летописи Бадр ад-дина ал-‘Айни» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т. I) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т.1. – С. 349-382.

Анналы Уэйверлейского монастыря (XIII в.) // Матузова В. И. Английские средневековые источники IX-XIII вв. - М. Наука, 1979. С. 173-175.

Анналы Бёртонского монастыря (конец XIII в.) // В. И. Матузова. Английские средневековые источники IX-XIII вв. - М. Наука, 1979. С. 179-186.

«Из “Анонима Искандара” // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т.И) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Отв. ред. М.Х. Абусейтова. Пер. и доп. Подг. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М.Х. Абусейтовой и Ж.М. Тулибаевой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. – С. 248-272.

«Из сочинения Ибн ‘Арабшаха» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т.И) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т.1. – С. 329-348.

«Из летописи Ибн Хаджара ал-‘Аскалани» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т.И) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т.1. – С. 324-328.

Астайкин А.А. Летописи о вторжениях на Русь: 1223–1480 гг. // Мир Льва Гумилева. Арабски истории. Вып. 3–4: Русский разлив. В 2-х томах, М.: «ДИ ДИК Танаис», 1996. Т. I. С. 456-554.

«Из летописи Рукн ад-дина Байбарса» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т.И) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т.1. – С. 86-116.

Барбаро И. Путешествие в Тану и Персию // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в.. Вступ. ст., подгот. текста, пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 113-161.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. - М.: Изд-во вост. лит-ра, 1963. Т.1. С. 43-597.

Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Соч. - М.: ГРВЛ Изд-во «Наука», 1968 а. Т. V. С. 17-192.

Бартольд В.В. Образование империи Чингиз-хана // Соч. - М.: ГРВЛ Изд-во «Наука», 1968. Т.V. С. 253-265.

Бартольд В.В. Батый // Соч. - М.: ГРВЛ Изд-во «Наука», 1968. Т. V. С. 496-500.

Бартольд В.В. Бег // Соч. - М.: ГРВЛ Изд-во «Наука», 1968. Т. V. С. 502.

«Из описания путешествий Ибн Баттуты» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т.И) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т.1. – С. 207-240.

Березин И. Н. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). // ЖМНП (Журнал Министерства Народного Просвещения). - СПб: Типография Императорской Академии наук, 1850. № 10. 24 с.

Березин И. Н. Тарханные ярлыки Тохтамыш, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея (введение, перепись, перевод и примечания). - Казань, Типография университета, 1851. - 127 с.

«Из “Истории Вассафа”» // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т.И) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Отв. ред. М.Х. Абусейтова. Пер. и доп. Подг. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М.Х. Абусейтовой и Ж.М. Тулибаевой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. – С. 161-178.

Варваровский Ю. Е. Распад Улуса Джучи в 60-70-е годы XIV века (по данным письменных источников и нумизматики). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - Казань, 1994. – 22 с.

Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой. – Тверь: ЛЕАН, М: АГРАФ, 1999, - 480 с.

Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время // Записки Российской академии наук. - Петроград, 1922. VIII серия. Т. XIII. № 6 и последний. - 58 с.

Гальперин Ч. Дж. «Россия и Золотая Орда. Вклад монголов в средневековую русскую историю». Часть II. Пер. с англ. Д.М. Костиной. / Сост. М.К. Койгелдиев. // История Казахстана в западных источниках XII-XX вв. — Алматы: «Санат», 2005. Т. IV. С. 215-262.

«Из “Списков устроителя мира” Гаффари» // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т.II) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Отв. ред. М.Х. Абусеитова. Пер. и доп. Подг. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М.Х. Абусеитовой и Ж.М. Тулибаевой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. – С. 401-406

«Из “Истории завоевателя мира” Джувайни» // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т.II) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Отв. ред. М.Х. Абусеитова. Пер. и доп. Подг. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М.Х. Абусеитовой и Ж.М. Тулибаевой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. – С. 52-62.

«Из «Тарих-и Джухан-гушай» Джувайни» // История Казахстана в персидских источниках / Отв. ред. М. Х. Абусеитова; сост. М. Х. Абусеитова. — Алматы: Дайк-Пресс, 2007. Извлечения из сочинений XIII—XIX веков. Т. V. С. 9-46.

Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

«Из летописи Ибн Дукмака» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т.1) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т.1. – С. 241-248.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII –XIV вв. – М.: Наука, 1985. – 245 с.

Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. - М.: ГРВЛ «Наука», 1988. - 128 с.

«Из Книги побед» Шараф ад-дина Йазди // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т.II) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Отв. ред. М.Х. Абусеитова. Пер. и доп. Подг. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М.Х. Абусеитовой и Ж.М. Тулибаевой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. – С. 283-360.

«Из «Избранной истории» Хамдаллаха Казвини и продолжений к ней» // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т.II) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Отв. ред. М.Х. Абусеитова. Пер. и доп. Подг. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М.Х. Абусеитовой и Ж.М. Тулибаевой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. – С. 179-195.

«Из биографии султана ал-Малика ал-Мансура Калавуна» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т.1) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т.1. – С.78-81.

«Из сочинения ал-Калкашанди» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т.1) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т.1. – С. 287-298.

Джиованни дель Плано Карпини. «История монгалов» // Путешествие в восточные страны. Пер. А. И. Малеина. – М.: Изд-во АН СССР, 1957- 270 с.

Киракос Гандзакечи. История Армении. / Пер. с древнеар., пред. и коммен. Л.А. Ханларян. (Памятники письменности Востока LIII). – М.: Наука, 1976. – 357 с.

Клавихо Р. Г. Дневник путешествия ко двору Тимура (1403-1406 гг.). Пер. со староисп., предисл., коммент. И.С. Мироковой. – М.: Наука ГРВЛ, 1990. – 211 с.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992. – 376 с.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004: 2-е изд, испр. и доп.- 368 с.

Кононов А.Н. Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.-Л., 1958. 288 с.

Костюков В. П. Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 169-207.

Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. – М.: Вост. лит-ра, 2006. – 557 с.

Ляскоронский В.Г. Русские походы в степь в удельно-вечевое время и поход кн. Витовта на татар в 1399 году. СПб: Сенатская типография, 1907. 124 с.

Матфей Парижский (ок. 1200-1259). «ВЕЛИКАЯ ХРОНИКА» «CHRONICA MAJORA» // Матузова В. И Английские средневековые источники IX-XIII вв. - М. Наука, 1979. С. 107-162.

«Из энциклопедии ан-Нувайри» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т.1) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузен. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т.1. – С. 121-141.

«Из сочинения ал-Макризи» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т.1) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузен. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т.1. – С. 299-317.

Миргалеев И. М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. — Казань: Алма-Лит, 2003. — 164 с.

«Из сочинения ал-Мухибби» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т.1) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузен. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т.1. – С. 249-260.

«Книга Марко Поло». Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. – Алма-Ата: Наука, 1990. – 352 с.

Мэн-да Бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Пер. с китайского, введение, комментарий и приложения Н.Ц. Мункуева (Памятники письменности Востока. XXVI). - М.: Наука, 1975. - 282 с.

Патканов К.П. История монголов инока Магакии, XIII в. Пер. и объяснения К. П. Патканова. - СПб., 1871. - 104 с.

Патканов К.П. История монголов по армянским источникам (Извлечения из трудов Вардана, Стефана Орбелиана и коннетабля Смбата) / Пер. и объяснения К.П. Патканова. – СПб.: Типограф. Импер-й Акад. наук, 1873. Вып.1. 100 с.

Пахимер Георгий. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Пер. под ред. проф. Карпова. СПб, 1862. Том 1. ЦАРСТВОВАНИЕ МИХАИЛА ПАЛЕОЛОГА 1255—1282. С. 1-525.

ПСРЛ. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. Т. VII. 358 с.

ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью (1362—1424 гг.). СПб., 1897. Т. XI. 262 с.

ПСРЛ. Новгородская четвертая летопись (1113—1496 гг.). - СПб., 1848. Т. IV. 372 с.

- ПСРЛ. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. / Подгот. текста О. Л. Новиковой; подгот. приложения В. И. Легких и И. В. Федоровой. – М. Языки славянской культуры, 2004. Т. XLIII. – 368 с.
- ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью (852—1499 гг.). СПб., 1863. Т. XV. 12 с. + 504 столбц. + 1 табл. снимк.
- Почекаев Р. Ю. Статус ханов Золотой Орды: правовое регулирование // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. Кн. 2. С. 146-157.
- Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА; СПб.: Евразия, 2007. – 350 с.
- Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII-XVI вв. 1238-1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). Справочник. – М.: Междунар. отношения, 2005 – 192 с.
- Прошлое Казахстана в источниках и материалах / Под ред. проф. Асфендиярова С.Д. и проф. Кунте П.А. Сб. 1: (V в. до н.э. – XVII в. н.э.) – Алматы: Казакстан, 1997. 2-е изд. – 383 с.
- Пэн Да-я, Сюй Тин “Краткие сведения о черных татарах”. Пер. Линь Кюн-и и Н.Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. № 5, 1960. С. 133-158.
- Рашид ад-Дин Сборник летописей. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1952. Т.1. Кн.1. 219 с.
- Рашид ад-Дин Сборник летописей. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1952. Т.1. Кн.2. 315 с.
- Рашид ад-Дин Сборник летописей. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1960. Т.II. 253 с.
- Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // УЗМГУ. Ученые записки Мордовского гос. университета. Вып. IX. -Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1960. – 276 с.
- «Из “Продолжения Сборника летописей”» // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т.II) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Отв. ред. М.Х. Абусейтова. Пер. и доп. Подг. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М.Х. Абусейтовой и Ж.М. Тулибаевой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. – С. 273-282.
- Синор Д. Монголы на Западе (Пер. Костюкова В.П.) // Степи Европы в эпоху средневековья. (Труды по археологии). Сборник научных работ. Золотоордынское время. – Донецк: ДонНУ, 2008. Т.6. С. 363-384.
- Скрынникова Т.Д. Идеи «Сокровенного сказания» о власти в летописях XVII в. // Mongolia: К 750-летию «Сокровенного сказания». М.: «Наука», 1993. С. 157-168.
- Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. – М.: Вост. лит-ра, 1997. Сокровенное сказание монголов. Пер. С. Козина. – Улан-Удэ, 1990. - 318 с.
- Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 276 с.
- Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. – 445 с.
- Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // Тверские летописи. Древнерусские тексты и переводы. Пер. В. И. Исакова. – Тверь: Тверское книжно-журнальное издательство, 1999 С. 64-161.
- Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. - М.: «Наука», 1993. - 163 с.
- Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Изд-кая фирма «Восточная литература» РАН, 2002. – 752 с.
- «Из истории Ибн Халдуна» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т.I) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т.1. – С. 268-286.
- «Из сочинения ибн Фадлаллаха ал ‘Умари» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т.I) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм.

Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т.1. – С. 168-189.

Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., транск., текст. прим., исслед. В.П.Юдина. Комм. и указ. М.Х. Абусеитовой. – Алма-Ата: Ғылым, 1992. – 296 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. - М.: Изд-во МГУ, 1973. - 180 с.

Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. Критич. текст, пер. с лат. «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко. Экспоз., исслед. и указ. А.Г. Юрченко – СПб.: Евразия, 2002. – 478 с.

Шайбани-наме // МИКХ. Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв.: извлечения из персидских и тюркских сочинений. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1969. – С. 91 – 127.

«Из “Истории Шайх Увайса”» // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т.П) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Отв. ред. М.Х. Абусеитова. Пер. и доп. Подг. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М.Х. Абусеитовой и Ж.М. Тулибаевой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. – С. 196-204.

«Из “Книги побед” Низам ад-дина Шами // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т.П) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Отв. ред. М.Х. Абусеитова. Пер. и доп. Подг. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М.Х. Абусеитовой и Ж.М. Тулибаевой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. – С. 205-247.

Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г. Пер. со старонем. Ф. К. Бруна. Изд., ред., примеч. З.М. Бунятова. - Баку. Элм. 1984. - 86 с.

«Юань ши» (Официальная хроника династии Юань). Основные записи // Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. - М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. С. 432-525.

Юрченко А. Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII—XV вв. — СПб.: Евразия, 2006. – 640 с.

May T. Chormagan Noyan: The First Mongol Military Governor in the Middle East. Indiana University, 1996. I + XIV, 98 p.

Sinor D. The Mongols in the West // Journal of Asian History. 1999. Vol. 33. No. 1, PP. 1-44.

Hystoria Tartarorum fratri C. de Bridia. // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. Критич. текст, пер. с лат. «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко. Экспоз., исслед. и указ. А.Г. Юрченко – СПб.: Евразия, 2002. - С. 75-126.

Бұл мақалада автор Жошы ұлысының әскери-басқару құрылымның қарастырады. Монғолдардың әскери-әкімшілік жүйесінің негізгі үзбелері талдаған. Мақалада Алтын Ордада әскери-әкімшілік билігінің басым болғаны көрсетілген.

The article considered questions of military-administrative structure in Ulus Jochi and analysed the basic parts of the military-management system, created by the Mongols. Moreover, it showed the prevalence of military-administrative authority above civils.